

мне валюты. Все эти мотивы — налицо: но я не хочу скрывать, что основной причиной моей просьбы о разрешении мне вместе с женой выехать за границу является безвыходное положение мое как писателя здесь, смертный приговор, вынесенный мне как писателю здесь.

Исключительное внимание, которое встречали с Вашей стороны другие, обратившиеся к Вам писатели, позволяет мне надеяться, что и моя просьба будет уважена.

Е. ЗАМЯТИН

И. В. СТАЛИН — М. ГОРЬКОМУ

<10 января 1931 года. Москва>

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю документы о 1) группе Кондратьева и 2) меньшевиках. Просьба — не принимать близко к сердцу содержимое этих документов и не волноваться. Герои документов не стоят того. К тому же есть на свете подлецы почище этих пакостников.

У нас дела идут хорошо. Неважно обстоит дело с транспортом (слишком большой груз навалили), но выправим в ближайшее время.

Берегите здоровье.

Привет!

И. СТАЛИН

М. ГОРЬКИЙ — И. В. СТАЛИНУ

<1 декабря 1931 года. Сорренто>

Беспокоит — и очень — вот какая мысль: эмигранты очень обозлились за последнее время, причина злобы: безработица, сокращение газет и особенно события в Маньчжурии, в Харбине. Особенно неистовствуют — словесно — монархисты и террористические их организации. За Вами вообще усиленно охотятся, надо думать, что теперь усилия возрастут. А Вы, дорогой т<оварищ>, — как я слышал, да и видел — ведете себя не очень осторожно, ездите, например, по ночам на Никитскую, 6. Я совершенно уверен, что так вести себя Вы не

имеете права. Кто встанет на Ваше место, в случае если мерзавцы вышибут Вас из жизни? Не сердитесь, я имею право и беспокоиться, и советовать. Вообще все вожди партии и страны должны бы несколько более заботиться об охране своей жизни. Делишки разворачиваются тревожно, а сволочь умеет считаться с моментом. Вот предлагается ликвидировать немецкую компартию — и вообще обостряется борьба против коммунистов, а они «вдохновляются из Москвы». Сейчас убить коммуниста — спасительное дело. Особенно — большого. Так что я тут очень тревожусь за Вас. И — не один я. Дело, конечно, не в моих тревогах, а в том, что, м. б., скоро потребуется общая мобилизация сил. Очень хочется, чтоб Вы отнеслись к моим словам серьезно.

Еще раз — будьте здоровы, берегите себя. Сердечный привет всем товарищам.

А. ПЕШКОВ

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — И. В. СТАЛИНУ

<29 октября 1931 г.>

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Зная Ваше всегдашнее внимание к Художественному театру, обращаюсь к Вам со следующей просьбой.

От Алексея Максимовича Горького Вы уже знаете, что Художественный театр глубоко заинтересован пьесой Эрдмана «Самоубийца», в которой театр видит одно из значительнейших произведений нашей эпохи. На наш взгляд, Николаю Эрдману удалось вскрыть разнообразные проявления и внутренние корни мещанства, которое противится строительству страны.

Прием, которым автор показал живых людей мещанства и их уродство, представляет подлинную новизну, которая, однако, вполне соответствует русскому реализму в ее лучших представителях, как Гоголь, Щедрин, и близок традициям нашего театра.

Поэтому, после того как пьеса была закончена автором, Художественному театру показалось важным применить свое мастерство для раскрытия общественного смысла и художественной правдивости комедии. Однако в настоящее время эта пьеса находится под цензурным запретом.